

М. Б.

Тебе, когда мой голос отзвучит
настолько, что ни отклика, ни эха,
а в памяти — улыбку заключит
затянутая воздухом прореха,
и жизнь моя за скобки век, бровей
навек отодвинется, пространство
зрачку расчистив так, что он, ей-ей,
уже простит (не верность, а упрямство),

— случайный, сонный взгляд на циферблат
напомнит нечто, тикавшее в лад
невесть чему, сбивавшее тебя
с привычных мыслей, с хитрости, с печали,
куда-то торопясь и торопя
настолько, что порой ночами
хотелось вдруг его остановить
и тут же — переполненное кровью,
спешившее, по-твоему, любить,
сравнить — его любовь с твоей любовью.

И выдаст вдруг тогда дрожанье век,
что было не с чем сверить этот бег, —
как твой брегет — а вдруг и он не прочь
спешить? И вот он полночь брякнет...
Но темнота тебе в окошко звякнет
и подтвердит, что это вправду ночь.

29 октября 1964